

# ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

## МЕТАФИЗИКА ЗАПРЕДЕЛЬНОГО

А.А. Пелипенко

Московский психолого-социальный университет  
*Роцинский 4-й проезд, 9а, Москва, Россия, 115191*

В статье предпринимается попытка построить модель объяснения феномена запредельного мира не как иллюзии сознания, но как реальности. Реальность эта, однако, совершенно иного рода, нежели реальность мира эмпирического. Главной опорой в построении системы обоснований выступает здесь современная квантовая физика. Для обозначения срединной зоны медиации между эмпирическим и запредельным мирами вводится понятие психосферы. Заявляется, таким образом, направление развития не философской, а системно-теоретической региональной метафизики.

**Ключевые слова:** метафизика, запредельное, психосфера, медиация, интенция, когеренция, потенциальность.

Понимали ли философы-постмодернисты, что, ниспровергая философскую метафизику, они хоронят и саму философию? Ведь будучи лишена своих метафизических оснований, она окончательно замыкается на себя, окукливается и теряется в мелководье частных исследовательских дискурсов и потому оказывается «никому не нужна». Думается, однако, что причина тому значительно глубже, чем злокозненный критицизм постмодернистов. Таков сегодня «запах времени»: эпоха идеалов уступила место эпохе интересов, и, вместе с идеалами, резко упали в цене всякого рода напыщенные и абстрактные метафизические спекуляции. Но что же пришло им на смену? Плоский прагматизм узкопредметных направлений? Фрагментарность, мелкотравчатый позитивизм и ужас методологии? Фобия онтологии и нежелание (помноженное на неспособность) широких парадигматических обобщений? Осознание убожества таких подходов на фоне закономерного отступления постмодернистской моды ставит вопрос: не слишком ли рано похоронили метафизику? Почему, вместо почившей в бозе «большой» философской метафизики, не утвердить метафизику более скромную, говоря в духе Гуссерля, региональную? Или, быть может, ее как вольтеровского бога следует выдумать, если ее на самом деле нет? Последнее, конечно же, риторическая фигура. Не надо ничего выдумывать. Просто нужны новые, нетрадиционные и нефилософские подходы к фундаментальным проблемам, ибо их никто пока с повестки дня не снимал.

Одна из таких проблем — самая что ни на есть метафизическая — связана с пониманием и осмыслением феномена запредельного. Именно феномена, а не концепта или представления, как его обычно трактует механистическая наука и рационалистическая философия. Нижеследующие размышления на эту тему можно рассматривать как набросок построения объяснительной модели в русле нефилософской метафизики.

\*\*\*

Слово *запредельное* в академической среде считается профессионально неприемлемым. Употреблять его в научном обиходе допускается только религиоведам, да и то метафорически, с обязательными оговорками, что речь идет не о какой-то иной *реальности*, а о «представлениях». Однако назревшая необходимость парадигматического и эпистемологического расширения инструментария науки требует, преодолев инерцию, узаконить употребление этого слова и придать ему статус научного термина. Там, где речь, по необходимости, пойдет о квантовых процессах, буду употреблять термин Д. Бома *импликативный мир* (ИМ) или *мир свернутого порядка*. В более общем контексте — просто говорить о мире *запредельном*, т.е. пользоваться наименее специализированным словом, которое, надеюсь, станет все же термином.

Существуют и другие, по-своему вполне правомерные обозначения запредельного мира. Одно из них — мэон. «Эйдосы имеют свою пустоту и пространство, в котором они существуют один подле другого и при помощи которого отличаются друг от друга. Это эйдетическое пространство и есть ...мэон» [1. С. 116]. Термин *мэон*, однако, уже взят на вооружение некоторыми теориями, например, теорией физического вакуума и разных ее приложений, подчас весьма экзотичных. К тому же изначальное античное понимание мэона нагружено некоторыми иными значениями и коннотациями, что делает его употребление в нашем контексте не слишком удобным.

В силу прихотливой иронии Культуры, в обществах, где восторжествовало так называемое научно-материалистическое миропонимание (1), доктринальное отрицание запредельного обернулось очередным мифом, выполняющим все ту же медиативную функцию с тем же самым «несуществующим» запредельным. Сложилась парадоксальная ситуация: то, что в опыте всей мировой Культуры присутствует как непреложная данность, сциентизм сводит к «представлениям». Прибегая к незатейливой метафоре, можно сказать, что, обращаясь к проявлениям запредельного, рационалистическая наука изучает круги на воде от брошенного в нее предмета, тогда как сам предмет признается несуществующим.

Но возможно ли познать мир запредельного и описать его языком науки? Как следует изменить этот язык, чтобы ясно зафиксировать и объяснить проявления «зазеркального мира» в мире эмпирическом? Каковы взаимоотношения этих миров? Что можно сказать о «физике», «топике» и «морфологии» запредельного мира, если эти определения здесь вообще приемлемы? Не творит ли наше сознание очередной бинаристский миф? На что можно опереться в стремлении фундаментализировать концепт запредельного?

Последний так или иначе присутствует в современных физических и космологических теориях. Границы между ними часто размыты; за различиями в дискурсах просматриваются широкие области пересечения и релевантность основных положений. Можно сказать, что при всех разногласиях между квантовыми и космологическими теориями, все они сходятся в некой области консенсуса, которая может быть взята за основу понимания общих принципов организации Вселенной. Следует помнить, что квантовые теории, на физическом уровне проясняющие механизмы медиации между мирами, — это не чуждая гуманитарной сфере теоретическая абстракция. Культура (2) — часть универсума, связанного общими законами, как бы ни преломлялись они на разных уровнях бытия. Без обращения к фундаментальным законам мироздания, хотя бы и данных нам сквозь призму культурного осмысления, понимание Культуры теряет основу и «подвисает»; объяснение подменяется описанием либо, в лучшем случае, недостаточно глубокими интерпретациями.

В аспекте онтологии мира «квантового зазеркалья» особый интерес вызывают идеи Д. Бома, согласно которым ЭМ (эмпирический мир) есть результат перманентного разворачивания и сворачивания (декогеренции и рекогеренции) квантовых суперпозиций (паттернов) в каждую наносекунду. Помимо теории Бома, некоторых положений голографической модели Бома — Прибрама и теории скалярного поля, концепт запредельного мира в его квантовом модусе фундируется также теориями суперструн (3) и квантового вакуума, которые объединяются признанием фундаментальности вакуума по отношению ко всем формам сущего [2]. Трактую рождение Вселенной как квантовую макрофлуктуацию вакуума, современная квантовая космология приходит к заключению, что в физическом мире (космосе) не содержится ничего, что виртуально (потенциально) не содержалось бы в вакууме. К аналогичным идеям приходит не только квантовая физика, но и трансперсональная психология.

«Этот космический вакуум являет собой абсолютную полноту, ибо в нем, кажется, присутствует все. Он ничего не содержит в конкретной, явленной форме, но словно бы заключает в себе все бытие в его потенциальной форме... Пустота превосходит обычные категории времени и пространства. Она неизменна и пребывает за пределами всех дихотомий и противоположностей... Этот метафизический вакуум, насыщенный потенциалом всего сущего, есть колыбель всякого бытия, абсолютный источник жизни, а сотворение всех феноменальных миров есть, следовательно, реализация и конкретизация этого потенциала» [3. С. 37—38].

Эти идеи созвучны современным концепциям, представляющим пространственно-временной континуум в виде дискретной *ячеистой структуры*. Так, петлевая теория гравитации показывает, что первичные объекты-единицы анализа представляют собой мельчайшие квантовые ячейки пространства, сцепленные между собой определенным образом. Сцепление и состояние ячеек управляется полем, сила и интенсивность которого для этих ячеек выступает своего рода «внутренним временем». Изменение полевых потенциалов (переход от сильного воздействия к слабому и наоборот) — процесс, релевантный *воздействию прошлого на будущее в макромире*. Принцип соединения ячеек таков, что для Вселенной, да-

лекой от сингулярного состояния, т.е. с малой концентрацией энергии, ячейки как бы сливаются, «сплавляются» между собой, порождая иллюзию сплошного пространственно-временного континуума. На квантовом же уровне иллюзия континуальности уступает место дискретной картине пространства-времени, состоящей из единиц планковского масштаба (4).

Объем минимальной единицы задается приблизительно кубом планковской длины, а площадь поверхности, отделяющей одну пространственную единицу от другой — приблизительно ее (планковской длины) квадратом.

Впрочем, в разрабатываемых преоновых теориях (5) размерность «элементарного» пространства-времени точно не определена. Но сама ячеистая пра-структура квантового вакуума уже получила наименование *универсальной преоновой констелляции*.

В других теориях, впрочем, в ходу иные определения. Гипотеза, согласно которой вакуумные структуры преонов выступают самыми первичными материальными структурами, имеет под собой вполне убедительные основания. Но придание «с легкостью необыкновенной» этой «пра-субстанции» свойств «семантического топоса» — это уже грубые натяжки в духе всепроникающих «информационных взаимодействий».

Не поддаваясь искушению запросто объяснить природу связей между уровнями реальности в духе, к примеру, теории торсионных полей, сформулирую, по крайней мере, один важный вывод: каузальные зависимости, развернутые в казалось бы необратимой стреле времени, являются не самой фундаментальной характеристикой сущего, а вторичным результатом *количественных* изменений вышеназванного поля. Там, где классический рационализм видит различия качественные, постнеклассическая наука обнаруживает различия количественные. И касается это не только физики.

Таким образом, на самых глубинных уровнях реальности концепты *дискретности и континуальности* утрачивают свою дихотомичность; одни и те же квантовые процессы вынуждено описываются посредством этих понятий без какого-либо логического противоречия. Речь может идти лишь о разных проекциях единого «феномена»/процесса в сферу человеческого сознания. Частицы — не дискретные «элементы», но лишь проекции более глубокого единства, и «разделенность» их во многом иллюзорна.

Однако, по мере удаления от микромира, различие дискретного и континуального становится все более «объективным» и онтологичным. А концепт интенциональности, как пред-субстанциональной основы всего сущего как в дискретном, так и в континуальном модусах, утрачивая свою отвлеченную теоретичность, обретает вполне конкретные ясные физические определения (6).

Концепция первоосновы сущего как сцепления мельчайших дискретных элементов (повода вспоминать Эпикурову атомистику здесь нет) согласуется с идеей Бома, согласно которой всякое физическое образование — «верхушка айсберга», большая часть которого скрывается за гранью эмпирического (проявленного) мира и представляет собой условную сумму квантовых суперпозиций, т.е. *мир*

*потенциального бытия*. «Неразрывное единство» микромира, по Бому, проявляется в эффекте *квантовой запутанности* «сплавленных» меж собой частиц (микрочастиц времени-пространства).

Напомню, что эффект квантовой запутанности возникает в системе, состоящей из двух и более взаимодействующих подсистем (или взаимодействовавших ранее и после этого разделенных), и представляет собой *суперпозицию* макроскопически различных состояний. В состоянии квантовой запутанности изменения (флуктуации) отдельных частей связаны меж собой не посредством обычных классических взаимодействий, а *нелокальными квантовыми корреляциями*, которые обобщенно соотносят с понятием *когерентности*. Когерентные корреляции *нелокальны*, т.е. не связаны обычными классическими ограничениями, например, скоростью света.

Это значит, что воздействие на одну часть (элемент) системы в тот же момент времени сказывается и на его корреляте, даже если он находится на бесконечно большом расстоянии. Так, феномен нелокальности оказывается тесно увязан с эффектом когерентности — слаженности, согласованности ритмов, колебаний, излучений, резонансов.

Можно сказать, что когерентность — *первичная форма различия вообще*, когда некие феномены, будучи даны как нечто разное в своей явленности, обнаруживают глубочайшую когерентную связанность как на микро-, так и на макроуровнях.

Связующей «субстанцией», по Бому, выступают глюоны — своеобразный «кварковый клей», образующий особые *полевые структуры, опутывающие или, точнее, пронизывающие универсум*. Между кварками, размеры которых в тысячи раз меньше размеров элементарных частиц, натягиваются суперструны глюонного поля. Глюонные цепочки, ветвясь, умножаясь и склеиваясь меж собой, образуют паутину кварковых частиц, пронизывают и таким образом связывают все сущее на столь глубинном уровне, что здесь нельзя говорить ни о бытии, ни об онтологии.

Сама же эта глубинная связанность восходит к универсальному холономному началу, которое питается реликтовой памятью Большого Взрыва. В его результате *всеобщая эмпатическая связь* — ВЭС — не исчезла, но всего лишь «растянулась» во времени и пространстве Вселенной. Напомню, что холономность ВЭС проявляется не в той центростремительности, что стягивает все к некоему единому центру (такового просто не может существовать), а в том, что она инициирует локальное центрообразование в каждом мельчайшем фрагменте континуума. Иницируемая ВЭС *нуклеация* и противоположная ей *радиация* — два фундаментальных начала, пронизывающих универсум, начиная с образования частиц вещества из сгустков полей и излучений и кончая любого рода структурообразованием в высших системах, включая и Культуру. Коррелятом этой дихотомии выступают начала *интеграции* и *дезинтеграции*.

Историк философии усмотрел бы здесь извечную тему противоборства начал сближения и отталкивания, вплоть до Эмпедокловых Любви и Вражды. Но нам

столь далекие экскурсы не нужны. Вместо натурфилософских подпорок здесь были бы уместны обращения к современным космологическим теориям, обсуждающим проблему противоборства центростремительной силы гравитации и противостоящей ей силы «темной энергии» [4]. Впрочем, и этот разговор уведет нас слишком далеко от темы; ведь нас интересуют не физические или космологические концепции как таковые, а лишь самые общие, вытекающие из них теоретические выводы.

Важно, что феномен когеренции не ограничивается квантовыми масштабами. Когерентные связи пронизывают и охватывают все уровни сущего, все системы во Вселенной, в т.ч. Культуру, образуя *неразрывный континуум акаузальных отношений*.

Но, как ни странно, «культурный сектор» когерентных связей попадает в поле интересов науки нечасто. Кроме не вполне состоявшейся «теории синхронизмов» Юнга — Паули [5], вспомнить особенно нечего. Впрочем, это можно отчасти объяснить нацеленностью научного сознания на каузальный, а не когерентный тип связей. Последний плохо верифицируется вульгарно-рационалистической методологией и потому полагается несущественным или вовсе не замечается.

То, что Бом на языке КМ называл глюонными цепочками (их концептуально-терминологические аналогии в других теориях КМ и квантовой космологии перечислять не буду), было обозначено автором как *предшествующая всякому эмпирическому бытию интенциональность* [6] — устремленность, направленность на какое-либо существование. Иными словами — энергетически определенная и прочерченная глюонными цепочками траектория, *дистанция между потенциальным и актуальным существованием* чего-либо во Вселенной.

Соединенные паутиной интенциональных нитей, паттерны потенциального бытия в ИМ и воплощенные реалии мира эмпирического оказываются *агентами когерентных связей*, сила, интенсивность и «структурность» которых определяют свойства и характер изменений в наличных феноменах. Интенциональные поля, таким образом, оказываются связующим мостом между мирами, а их (полей) нити-векторы, протягиваясь между *таковостями*, устанавливают между ними когерентную согласованность. Под таковостью, по крайней мере, в «культурном секторе» бытия понимается не просто «объективно существующая» вещь, феномен или явление, а условно-дискретный агент когерентных связей, выявленных/установленных с неперменным участием нейродинамической системы человека. *Таковость* — нечто целостно переживаемое человеком здесь, теперь и так. Таковость всегда относится не только к бытию, но и к сознанию, точнее *психо-ментальным настройкам* — ПМН. Поэтому переживание таковости всегда комплексно и обусловлено их (бытия и сознания) ситуационным неразделением. Впрочем, к этой теме еще неоднократно будет повод вернуться.

Согласно Бому, глюонные цепочки могли бы также передавать *информацию*: включаясь и выключаясь как информационные узлы — синапсы в коре головного мозга человека, кварковые образования (неотделимые от соответствующих полей), могли бы телепортировать слова и образы. Такая квантовая телепатия способна

действовать на неограниченном расстоянии, а сила кваркового сигнала — не убывать. Однако такая модель выглядит уж слишком удобной для всевозможных фантастических спекуляций. Но, если Бом прав, то, заменив проблематичный термин *информации* на *квантовую энграмму*, можно существенно прояснить «проклятый вопрос» перехода от микро- к макропроцессам.

Необходимо пояснить отношение к употреблению термина *информация*. Какие только прорехи в знании не прикрывают этим размытым термином, без которого, кстати сказать, научно-философская мысль до XX в. прекрасно обходилась.

В современном же дискурсе «информационная» лексика стала подозрительно навязчивой, «универсальной» и безграничной в своих претензиях. «Информационные подходы» применяются решительно ко всему. И почти везде вместо углубленного понимания — его имитация. Подразумевается, что слово «информация» с его многочисленными производными само по себе что-либо проясняет. «Информационный космос», «информационные потоки», «информационный обмен», «информационные взаимодействия» и т.д. и т.п. — все эти определения очень удобны для обозначения ситуаций, когда что-то с чем-то контактирует или взаимодействует, оставляя в результате какие-то следы или изменения. Но понять суть этих процессов информационная лексика сама по себе нисколько не помогает. Она лишь наклеивает на непознанный феномен терминологический ярлычок, создающий иллюзию понимания. И это притом, что само понятие информации имеет множество определений — одно другого невнятнее. «А.Д. Урсул определяет информацию как инвариантную часть отображаемого разнообразия, поддающуюся объективированию и передаче, а по мнению Г. Кастлера, это выборка из множества возможных и разнообразных альтернатив» [7. С. 60]. Далее Л.В. Лесков пишет: «Из этих определений ясно, что информация в наиболее общем виде представляет собой необратимый процесс (? — А.П.), развивающийся в нелинейном мире» [7. С. 60].

Стало быть, в «линейном мире» информации нет? Есть, впрочем, и еще более занятные определения: «Информация — это фундаментальный генерализационно-единый безначально-бесконечный законопроцесс резонансно-сотового, частотно-квантового и волнового отношения, взаимодействия, взаимопревращения и взаимосохранения (в пространстве и времени) энергии, массы и антимассы на основе материализации и дематериализации в микро- и макроструктурах Вселенной». И далее: «Информация — это генерализационно-фундаментальная субстанция единого кодово-сотового пространства Вселенной, включающего воздух, воду, землю, солнечные и другие светонесные лучи, поля, их следы и весь спектр космических излучений, материализованных и дематериализованных сред, и выражающихся через массу, скорость, энергию и другие формы, проявляющиеся в процессе материализации и дематериализации» [8. С. 19].

Не стану комментировать эти и подобные определения, где информация предстает то феноменом, то процессом, то тем и другим одновременно. В моем понимании информация — это все же не процесс (выборка, различение и т.п.), а феномен. Единственный класс ситуаций, о которых можно без натяжек говорить как

о ситуациях информационных — это когда налицо следующие компоненты: отправитель информационного сообщения, его адресат-получатель, содержание сообщения, код сообщения и его физический носитель. Там, где этих компонентов нет, ни о каких информационных процессах говорить нельзя. Потому вполне можно и нужно (!) обходиться без путаной и бессодержательной «информационной» лексики, уводящей от понимания сути процессов. Касается это и излюбленной «технарями» еще 1960-х гг. «великолепной триады»: *вещество, энергия, информация*. Не понимаю, как может происходить обмен информацией между атомами или космическими телами. Взаимодействия — да, квантовая телепатия — тоже да, но причем тут информация? Где здесь код и его носитель? Как и кем эта «информация» шифруется и дешифруется? Кто ее записывает и кто читает?

Впрочем, серьезные авторы не говорят о частотно-квантовых и волновых отношениях, а также о воде, воздухе и солнечных лучах, понимая, что более-менее внятные определения информации возможны лишь с позиций семиотики.

Но и здесь общие определения предстают довольно расплывчатыми формулами с критическим количеством неизвестных. Так, информация источника, которая «имеет косвенное отношение к собственно содержанию сообщения... это не столько то, что говорится, сколько то, что может быть сказано. Информация — это мера возможности выбора» [9. С. 53]. Операциональное использование информационных подходов требует, чтобы цель сообщения связывалась с передачей конкретного содержания от отправителя к адресату. Но У. Эко приходит к парадоксальному выводу о том, что «сообщение оказывается некоей пустой формой, которой могут быть приписаны самые разнообразные значения» [9. С. 92].

Не отвлекаясь на анализ того, как У. Эко разъясняет этот парадокс, отмечу, что и в поле семиотики попытки дать ясное определение информации наталкиваются на необходимость его соотнесения с целым рядом трудно определимых и эклектично понимаемых понятий, не говоря уже о том, что «приписывание значений» неотделимо от неразрешимых загадок человеческой субъективности. Но даже если кому-то и удастся найти безупречно точное и корректное определение информации, то оно просто утонет в океане иных произвольных и необязательных интерпретаций.

Говорю это не для того, чтобы затеять очередной терминологический спор: переубеждать сторонников «информационных подходов» — дело неблагодарное. Уж очень эти подходы удобны: объяснять информационными процессами все и вся, не проясняя при этом вопроса о природе и сущности этих процессов. Там, где придется обращаться к концепциям, оперирующим информационной лексикой, буду стараться заменять «информационный подход» чем-то иным в зависимости от контекста.

Признание общих положений КМ и квантовой космологии делает невозможным априорную убежденность в том, что все существует «само по себе», «вообще» и «просто так»; за пределами КМ считается возможным не учитывать квантовые основы онтологии сущего, поскольку микромир представляется слишком «далеким от реальности».



Граница же, разделяющая микро- и макромиры, кажется столь непроходимой, что позволяет пренебречь квантовыми процессами при описании мира классических объектов и уж тем более — мира культурных феноменов. Действительно, вопрос о границе, которая, как следует из работ специалистов по КМ, предстает, скорее, сильно размытой, чем резко прочерченной, — вопрос огромной сложности, но и первостепенной важности, и до единства мнений здесь пока еще далеко.

Пока предметники-экспериментаторы силятся построить непротиворечивую модель реальности, состоящей из несепарабельных компонентов, мыслящие более теоретично «квантовые экстремисты» обосновывают взгляд на мир, в котором квантовая запутанность присутствует во всех без исключения процессах взаимодействия и на всех уровнях реальности. Это положение особенно важно для понимания того, что запредельный мир — это не квантовый мир «в чистом виде». Последний для прямого восприятия недоступен в принципе: наблюдаемое — уже не есть квантовое. Запредельный мир дан человеку в сумме *психосферных проекций* — субреальности, являющей разные уровни онтологизации. В основе же этих проекций лежат разные количественно-качественные (если философская терминология здесь применима) состояния квантовой запутанности. Можно ли обосновать это на основе квантовых теорий?

КМ утверждает, что изолированные системы, независимо от их размеров, массы и т.д., являются квантовыми и строго подчиняются принципу суперпозиции. Но изолированная система — это скорее теоретическая модель, чем наличная реальность, в которой приходится иметь дело с открытыми, т.е. взаимодействующими с окружением системами.

Было установлено, что взаимодействие с окружением разрушает квантовую интерференцию (7), превращая тем самым квантовую систему в классическую. Чем больше масса системы, тем быстрее происходит такое превращение. Уже для молекулярного уровня достаточно слабых взаимодействий с окружением, чтобы нивелировать квантовые эффекты. Но разрушаются ли они полностью или всего лишь уходят «вглубь», обволакивая классические объекты полями квантовых потенциалов (8), которые неким образом все же «соучаствуют» в бытии этих объектов, — вопрос для КМ открытый.

И хотя окончательных экспериментальных данных для построения целостных математических моделей пока недостаточно, есть основания склониться к положительному ответу. За пределами же КМ и научного сознания вообще, где не используются физические понятия, но осмысляется та же проблема, в положительном ответе никогда не существовало сомнений.

Осмысляя проблему границы между мирами, КМ приходит к выводу, что любые классические системы существуют постольку, поскольку взаимодействуют с окружающей средой (9). При этом полностью реализоваться в макромире способны лишь те состояния, которые устойчивы к импульсам окружения. Эти состояния повышенной устойчивости, получившие название *pointer states*, определяются как состояния когерентные (В. Зурек), в которых неопределенности координаты и скорости частицы минимальны. Согласно гипотезе В. Зурека, изначальное квантовое состояние «расслаивается» на *pointer states*; для взаимодействующих с окру-

жением, т.е. открытых квантовых систем принцип суперпозиции нарушается, что позволяет квантовым полям «сгущаться», порождая классические объекты с определенным значением координаты и скорости.

Хотя и с образованием устойчивых состояний далеко не все ясно, нас сейчас интересуют даже не они, а состояния «промежуточные», неустойчивые к воздействиям среды и не имеющие потому «окончательно определенных» значений координаты и скорости. Эти-то состояния — образования с разной степенью классической (эмпирической) проявленности, и заполняют некую промежуточную зону, которую представляется возможным назвать *психосферой* (10), а заполняющей ее «материал» — *психосферной субреальностью*.

Понятие психосферы вводится в контексте постановки двойной задачи: построения гипотезы взаимоотношений имплицитивного и эмпирического миров вообще и выявления характера их соотношения в зоне сопряжения биосистемы и культуры в частности. Ощущение эвристичности этого понятия носит в воздухе, но его употребление на сегодняшний день весьма произвольно и контекстуально (11), и потому стремление придать ему статус научного термина представляется вполне обоснованным.

Психосфера как целое нелокальна и имманентна Вселенной в каждом относительно дискретном ее локусе. Можно ее представить как «срединную» сферу между имплицитивным и эмпирическим мирами. Нас будут интересовать главным образом проявления психосферы в секторе сопряжения Культуры с эволюционно ей предшествовавшей «пирамидой систем» и, прежде всего, с ее материнским лоном — биосистемой. Проявления психосферы за пределами этой области человеку не даны в непосредственном и даже в бессознательном восприятии и могут быть умозрительно смоделированы лишь на основе косвенных наблюдений и спекулятивных построений.

Если прямо задать вопрос: «Что такое психосфера?», — то ответить на него столь же прямо и кратко не удастся.

Дело в том, что феномен психосферы восходит к столь глубинным и фундаментальным для человека уровням реальности, что любые ее определения оказываются неполными и фрагментарными. С учетом ее некоторых характеристик, можно сказать, что психосфера — это и образ некоего пространства, и область проявления особого рода феноменов, и даже, в нестрогом смысле, — поля. Под другим углом зрения, психосфера — канал связи, устройство фильтрации и преобразования кросс-системных ритмов, сигналов, импульсов Вселенной в воспринимаемые человеком формы. Иными словами, мембрана, преобразующий контур, конвертирующий интенциональные импульсы как эмпирического, так и имплицитивного миров на «водоразделе» психики — сознание.

Вернемся к квантовой метафизике. Устойчивость — характеристика темпоральная, отражающая относительную неизменность во времени. Стало быть, неустойчивые состояния не имеют определенной «привязки» не только к пространственным измерениям координаты и скорости, но также и ко времени. Именно об этом свидетельствует присущий всем без исключения культурам опыт контактов с психосферными образованиями. Что же касается воздействий окружения,

которое приводит к образованию психосферных феноменов, то таковым в определенном классе ситуаций выступает человеческая психика/ментальность.

Следует отметить, что главная методологическая причина (если не говорить о причинах психологических), не позволяющая сциентистскому сознанию понять и принять концепт запредельного, — в его (сознания) приверженности формально-логическому стереотипу плоской дихотомии *существование — не-существование* и нежеланию (может быть, неспособности) заменить его более сложной моделью понимания *уровней и форм* онтологической проявленности и, тем самым, ввести в картину мира феномен психосферной субреальности.

Первый шаг в этом направлении — признать, с опорой на положения КМ, что сознание и, шире, ментальность — это не только «принимающее устройство», но и агент или даже субъект, осуществляющий онтологизацию определенного спектра сущего. Второй шаг, помимо постижения механизмов этой онтологизации, что само по себе весьма непросто, требует и осмысления шкалы онтологических статусов, которая протягивается между метафизическими полюсами бытия и небытия. Здесь неперенным исходным условием является отказ от вульгарно-рационалистического понимания последнего как *абсолютного ничто* и опоры на представление, присущее *всем* системам миропонимания, за исключением позитивистско-материалистического: небытие — не абстрактная пустота, а континуум не воплощенных потенциалов или бытие во всей ее потенциальной полноте, т.е. такое *ничто*, которое в потенциальном, запредельном, трансцендентном измерении означает *все*.

Здесь возникает почти непреодолимое искушение обратиться к образу «рождающей пустоты» — Шуньи и ее многочисленным аналогам в мифо-религиозных, мистических и натурфилософских учениях древности и средневековья. Но делать этого не стану, поскольку, во-первых, такие апелляции стали уже общим местом, притом в не самой серьезной литературе и, во-вторых, потому, что академическая наука такие апелляции, как правило, игнорирует.

В этом вопросе, как и во всех иных, связанных с концептом запредельного, следует твердо уяснить, что ни о каких «окончательных» доказательствах, полученных по правилам рационалистической науки, речи идти не может. Существование запредельного мира в принципе не может быть верифицировано суммой единичных наблюдений или фактов, *конечных самих по себе* и выявленных *конечными средствами*. Недостаточны также и выведенные на их основе спекулятивные аргументы. Бесконечное не верифицируется конечным, как трансцендентное не верифицируется имманентным, а непроявленное не «выявляется» на основе опыта исследования проявленного.

Но язык рационалистической науки — это имманентное и конечное. Поэтому наука натывается на запредельный мир лишь там, где его «границы» наиболее тесно сопрягаются с областями эмпирического знания, что обычно вызывает парадигматические кризисы и перевороты в науке. Пример — возникновение квантовых теорий.

Превращение потенциального в актуальное, непроявленного в проявленное, несуществующего в существующее — простите за высокий стиль, — есть Первая

Тайна Бытия. Тайна эта недоступна ни логике, ни языку, ни интеллекту, меряющих бесконечное конечным. Тайна эта не только выше науки, философии и возможностей интеллекта как такового, но и выше всего человеческого вообще. И было бы странно думать, что Тайна эта поддастся упаковыванию в дискурс рационалистических доказательств. Любое слово, сказанное о запредельном мире, уже есть ложь, а любые «доказательства» указывают лишь на горизонт того, что культура способна на том или ином этапе своего развития объективировать через каналы сознания. Говорю это не для того, чтобы оправдаться в смертном грехе «протаскивания мистики в науку», но лишь для того, чтобы, не идя на поводу у самодовольного сциентизма, не тешить себя иллюзиями о возможности «окончательных доказательств» и не слишком переживать по поводу их невозможности. Что же остается делать науке? Разве что в силу своих скромных (без иронии) возможностей раздвинуть рамки понимания Тайны, которые все более тяготят нас своей узостью.

### ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Не забудем, что такие общества в общеисторическом масштабе занимают более чем скромное место.
- (2) Двойное употребление термина *культура* с большой и маленькой буквы связано с различием Культуры как всеобщего эволюционного принципа сверхприродности, проявленного во всех без исключения культурных образованиях, и культуры как локальной в историческом пространстве и времени социальной системы. Кроме того, различие в употреблении термина вызвано нежеланием ввязываться в спор со сторонниками локалистского и «номиналистического» подходов, убежденных, что «культуры вообще» не существует. По нашему убеждению, существование локальных культурных систем (ЛКС) не только не исключает, но и с необходимостью предполагает наличие как умозрительного понятия *культуры вообще*, так и соответствующего объективного феномена.
- (3) Критика теории суперструн, которая сегодня существует в нескольких версиях, с позиций вновь ставшей актуальной в последние годы концепции Multiverse не дискредитирует первую, а, скорее, корректирует и дополняет ее.
- (4) Понятие планковского масштаба определяется комбинацией из трех фундаментальных констант: скорости света, гравитационной постоянной и кванта действия (постоянной Планка). На этой основе разрабатываются расчеты независимых масштабов для измерения длины, времени массы и энергии.
- (5) Преонами называют гипотетические элементарные частицы, из которых состоят лептоны и кварки. Кварки же — это первоэлементы, образующие протоны (физическую основу любых плотных тел). Лептоны — легкие частицы: позитроны, электроны, нейтрино, фотоны.
- (6) Так, по де Бройлю, все частицы «сопровождаются» определенными волнами, которые, так сказать, «направляют» их движение» (*Фейгин О. Парадоксы квантового мира*. М., 2012. — С. 53). Эти волны — одно из указаний на присутствие интенциональных возмущений.
- (7) В КМ интерференция включает в себя объединение кажущихся особыми альтернатив.
- (8) В К 1 в этой связи упомянут феномен *квантового гало* (Quantum Halo).
- (9) См., напр.: *D. Giulini, E. Joos, C. Kiefer, J. Kupsch, I.-O. Stamatescu, H.D. Zeh. Decoherence and the appearance of a classical world in quantum theory*. — Berlin: Springer, 1996.
- (10) См.: *Пелипенко А.А. Постигание культуры...* Гл. 3.

- (11) Так, в русле попыток системной иерархизации всех паранормальных явлений говорят о трехступенной психосфере, погружение в которую достигается с помощью особых психотехник. См., например: *Meck G.W. Healing and the healing process.* — Madras, 1977 (и др.). В оккультных, паранаучных и т. н. эзотерических сочинениях понятие психосферы встречается нередко и трактуется весьма широко и расплывчато. При этом наблюдается тенденция к проникновению этого понятия и в собственно научный обиход. Так, в частности, психосфера трактуется как «неразрывное единство психики совокупного человечества и окружающей энергоинформационной среды в их постоянном взаимопроникновении, взаимодействии и развитии» (А.Ю. Арапов и А.Г. Ли).

## ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос.* — М., 1993.  
[2] *Латыпов Н.Н., Бейлин В.А., Верешков Г.М. Вакуум, элементарные частицы и Вселенная.* — М., 2001.  
[3] *Гроф С. Космическая игра.* — М., 2001.  
[4] *Krauss L. Quintessence: The Mystery of Missing Mass in the Universe.* — New York: Basic Books, 2000.  
[5] *Юнг К.Г. Синхронистичность.* — М., 1997.  
[6] *Пелипенко А.А. Постигание культуры. Ч. 1: Культура и смысл.* — М.: РОССПЭН, 2012.  
[7] *Лесков Л.В. Пять шагов за горизонт.* — М., 2003.  
[8] *Юзвизин И.И. Информациология.* — М.: РИС, 1996.  
[9] *Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию.* — СПб., 2004.

## METAPHYSICS OF THE SUPRALIMINAL

A.A. Pelipenko

Moscow Psychology-Social University  
4th Roshinskiy proezd, 9a, Moscow, Russia, 115191

The paper attempts to build a model of explanation related to the “another” world phenomenon understood not as a transcendental illusion of consciousness, but as a reality. This reality, however, is a different kind than the empirical reality of the world. Mainstay of building a justification system serves modern quantum physics. To refer the middle zone of mediation between the empirical and transcendent worlds the term psychosphere is used. Thus, a new perspective on development of the non-philosophical, namely theoretical and system-regional metaphysics is declared.

**Key words:** metaphysics, transcendent, psychosphere, mediation, intention, coherence, potentiality.

## REFERENCES

- [1] *Losev A.F. Bytie. Imia. Kosmos* (Being. Name. Cosmos). Moscow, 1993.  
[2] *Latypov N.N., Beilin V.A., Vereshkov G.M. Vakuum, elementarnye chastitsy i Vseleennaia* (Vacuum, Elementary Entities and the Universe). Moscow, 2001.  
[3] *Grof S. Kosmicheskaia igra* (Cosmic Game). Moscow, 2001.

- [4] Krauss L. *Quintessence: The Mystery of Missing Mass in the Universe*. New York: Basic Books, 2000.
- [5] Jung C.G. *Sinkhronistichnost'* (Synchronicity: An Acausal Connecting Principle). Moscow, 1997.
- [6] Pelipenko A.A. *Postizhenie kul'tury. Ch. 1. Kul'tura i smysl* (Studying Culture. Vol. 1. Culture and Meaning). Moscow: ROSSPEN, 2012.
- [7] Leskov L.V. *Piat' shagov za gorizont* (Five Steps Beyond the Horizon). Moscow, 2003.
- [8] Iuzvishin I.I. *Informatsiologiiia* (Informatiology). Moscow: RiS, 1996.
- [9] Eko U. *Otsutstvuiushchaia struktura. Vvedenie v semiologiiu* (The Absent Structure). Saint Petersburg, 2004.